

Алексей Немоляев

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Алексей Немоляев

Простая история

«Издательские решения»

Немоляев А.

Простая история / А. Немоляев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853681-6

Это простая история. Это история о том, как терять и заново находить. Это история путешествия к своим истокам. Это история поиска себя.

ISBN 978-5-44-853681-6

© Немоляев А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Простая история

Алексей Немоляев

© Алексей Немоляев, 2017

ISBN 978-5-4485-3681-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Особая благодарность Кристине Т.

за добросердечно оказанную мне

поддержку в создании рассказа

Глава 1

А. (так для краткости буду называть главного героя) охватил восторг, когда, наконец, он обрел долгожданную свободу от обыденности, довлевшей над ним долгое время. Совершал он безрассудные, непоправимые ошибки, будто бы заново учился жить. А. пытался наверстывать упущенное за многие годы – предавался веселью, любви и переполняющему чувству безумства молодости.

Вроде бы, что может быть проще – вырваться из вновь и вновь повторяющегося цикла существования, повернуть в другую сторону, пойти неизведанной тропой, которая, возможно, приведет тебя к счастью. Но рано или поздно понимаешь, что и эта дорожка не несет в себе ничего нового, как, впрочем, и вся прежняя жизнь. Все повторяется в целом, со временем обрастая подробностями, рождая на свет кажимость выбора. Это ждало А. в будущем, а пока, первое время, он наслаждался захлестнувшей его свободой. Сколько красок и лиц можно увидеть в новом месте, который через некоторое время побледнеет и потеряет цвета, лишенный свежего взгляда человека, учившегося трудной науке дышать полной грудью. Новые места, знакомства – вот что нужно было А. от этого города, в который он переехал, отстранившись от всего старого, открывающего для него свои житницы новых ощущений и ласковые объятия освещенных яркими фонарями ночей.

– Знаешь, что я больше всего любил во всем этом? – спрашивал он у меня через некоторое время после нашего знакомства. – Ощущение того, что меня покидают все мысли. Девочки, алкоголь, пьянящий запах мгновенно пролетающих ночей – лишь для того, чтобы убрать из головы мысли. Вот это была истинная свобода, в первую очередь от мыслей.

– Что же это за мысли? – спрашивал я у него.

Он улыбался и продолжал, будто бы позабыв о моем вопросе:

– Но это свобода мимолетная – когда растворяешься в происходящем. Ты понимаешь это, когда просыпаешься наутро с больной головой, – он смеялся, и наш разговор затихал в ожидании рассвета.

* * *

Прошло около шести лет с тех пор, как А. покинул родной город.

В это время я готовился к какому-то выступлению, для меня очень важному, с темой, кажется, посвященной онтологии (или вроде того, точно не помню). Выбравшись из-под книг, чтобы выйти подышать на территории института, закулив, я медленно вышагивал взад-вперед, уставив взгляд себе под ноги, что-то говоря под нос, изредка затягиваясь мягко наполняющим легкие дымом. Неожиданно около меня остановились вычищенные лакированные ботинки. Правый каблук звонко щелкнул об асфальт, оказавшись рядом с левым. Я поднял глаза к человеку, побеспокоившему ход моих мыслей, и увидел улыбающегося молодого человека, сверкающего своими маленькими белыми зубами, неплотно прилегающими друг к другу. Не знаю, почему я в первую очередь именно на это обратил внимание. Возможно потому, что все остальные черты его лица были вполне себе обычные, правда – не без доли некоторой смазливости. Одет он был в толстый полосатый свитер и светлые брюки.

– Сигареты не будет? – вымолвил незнакомец.

Я быстрым движением, чтобы поскорее отвязаться от этого человека, вынул из кармана помятую пачку и протянул ему. Он медленно взял папиросу, прикурил ее, бросая на меня веселый любопытствующий взгляд. Сделав несколько шагов в сторону, он остановился поодаль меня. Так мы простояли некоторое время в безмолвии.

– Вижу, ты занят чем-то серьезным, – сказал молодой человек.

– Так заметно? – спросил я с некоторым нетерпением.

– Да, очень, – ответил он, протянув мне обратно пачку сигарет. Я, по невнимательности, и думать забыл о ней. – О чем думаешь?

Я слегка отстраненно ответил по поводу темы, которая меня в тот момент занимала. Впрочем – слишком отстраненно, до той степени, что по моему ответу можно было понять, что я не настроен на разговор. Он понял это, но разговор не прекратил.

– Мне кажется, нужно давать себе отдых от всего этого.

Я ответил, что, мол, скоро выступление, и нужно как можно быстрее закончить свою работу.

– Разве это так важно? – спросил он, пожав плечами, потом, видимо поняв, что до сих пор не представился, добавил: – Меня, кстати, зовут А.

– Очень приятно, – ответил я, хотя, честно говоря, в мыслях моих мелькнуло обратное.

– Так вот, – продолжал А., – даже если ты решишь проблему, которая перед тобой стоит, сразу появятся сотни новых. Мне кажется, нужно быть осторожным в решении всяких вопросов (он сказал именно – «всяких», и с этим его словом я удивленно посмотрел на него). Человек всегда дерзок и умен, пока не усомнится в своей способности хоть что-либо познать. Больше мыслей, больше решенных вопросов – ближе к Сократу, так сказать, – он усмехнулся. Хотя, если повезет, тебя это может не коснуться.

Я, если честно, очень удивился. Это не походило на обычный разговор «ни о чем», обычно ведущийся на улице между только что познакомившимися людьми. Разговор, более напоминающий молчание, к какому нас толкает необходимость жизни в социуме. Это и приличия, и защита от разверзнувшейся под ногами мертвой тишины. А. выводил меня на предметный разговор, но, могу сказать, вначале мне это не понравилось.

– И что же, – ответил я, – ничего не делать и ни о чем не думать? – сказано это было довольно язвительно.

– Хоть бы и так, все равно. Думать или не думать, делать или не делать – это все равно, никакого толка это не принесет. Я вот, например, стараюсь и вовсе не думать.

– Получается?

– Время от времени, получается, – ответил А. – Можно забыться ненадолго, но потом все возвращается. И начинается с начала, – мы немного помолчали.

Немного смягчившись, да и поругав себя за острословие, я решил оставить на время работу и еще некоторое время поговорить с А. Он, по-видимому, желал того же (хотя, по его улыбающемуся лицу было трудно что-то понять), и поэтому я вновь закурил и предложил закурить и А. Он с радостью согласился.

– Знаешь, что я думаю, – несколько тише и как-то доверительно начал он, – в жизни много вещей, по-бессмысленному прекрасных. Дело в том, что когда начинаешь задумываться о природе той или иной вещи, и всех вещей в целом – приходишь к выводу, что красоты – нет на самом деле. По сути, нет разницы между красотой и уродством, любовью и безразличием, пацифизмом и воинственностью. И когда я вижу, что мой разум пытается убедить меня в обратном, найти смысл во всем этом хаосе, меня тошнит от этого, – он посмотрел на меня все с той же неизменной улыбкой, правда, в голосе заиграли новые нотки. Удивительно, подумал я, он знает меня не более двадцати минут, и открывает передо мной свою душу. Это было несколько необычно. – Вот поэтому я стараюсь поменьше думать, – заключил А.

– Очень интересно, – протянул я.

Помолчав некоторое время, А. добавил:

– Ну, только, не принимай все близко к сердцу, – он улыбнулся еще шире обычного, – потом, посмотрев на часы, вскричал. – Ах, ты ж, черт, я же опаздываю! Слишком уж разговаривался!

Да и мне нужно было возвращаться к работе, и поэтому я предложил продолжить заинтересовавшее меня общение в скором будущем, как только появится свободное время, на что А. с радостью согласился и растворился где-то в переулках нашего студенческого городка. Я вернулся в институтскую библиотеку, где меня опять ждала нудная работа. Выцветшие истрепанные тома, расположившиеся на столе, освещенные яркой лампой, и мерный ход библиотечных часов.

* * *

Примерно через неделю А. предложил мне сделать «вылазку», так он называл свои прогулки по городу. С импровизацией, добавлял он, что бы это ни значило.

Мы вышли уже затемно. Город, его улицы и проулки резко поменяли свой внешний вид, облачившись в тонко льющийся из фонарей свет. Город не спал. Казалось, что как раз по пришествии вечера он только проснулся от своей будничной дремоты. Люди повылезали из домов и весело встречали вечер пятницы. Еще и глаза не успели отдохнуть от мониторов, и головы от бесконечных цифр, все чувствовали, что вечер пятницы – это время, когда начинается жизнь. Вот она, бьет ключом, вызывая дикий восторг у всю жизнь ждущих ее людей. Так и подмывает иногда влиться в эту жизнерадостную толпу, откликнуться на зов собравшихся вместе одиночек, радующихся слегка приспущенным цепям обстоятельств, позволявшим ненадолго позабыть о заботах.

А. же с упоением вливался в толпу и так же обо всем забывал. Мы завернули в кафе и попросили что-нибудь выпить. Официант с козлиной бородкой и заискивающими глазами быстрыми шагами направился к бару и вскоре на нашем столе стояли два бокала пива сомнительного качества.

– Удивительное дело, – сказал А., усмехнувшись.

– Что такое? – спросил я.

– Видишь того типа? – он показал мне на человека, сидящего где-то за моей спиной. Я медленно обернулся, чтобы посмотреть. Это был человек средних лет, сидящий в одиночестве и неспешно процеживающий сквозь зубы напиток. Одет он был прилично, но помятая на спине рубашка выдавала отсутствие в доме женской руки.

– Я его знаю, – после некоторой паузы сказал А. – Смотри, как он погружен в себя, как уставил свой растерянный взгляд в стакан, пытаюсь найти в нем успокоение, – А. усмехнулся, – но там он его никогда не найдет.

– Это всем известно.

– Нет... Я не про *это*, – быстро отрезал он. – От этого несчастного недавно ушла жена. Так, без всего, кинула его, со всеми его деньгами и положением, – он бросил на мужчину безразличный взгляд. – Ты бы знал, какой это тиран. По виду не скажешь, да? – улыбнулся он. Я молча кивнул. – Тиран, потерявший жертву – жалкое зрелище. Он думает, наверное, что лучше, чтоб его жена сдохла. А если так – то она поступила слишком жестоко по отношению к нему. О, я ясно вижу, как он горько рыдает, так да конца и не осознав, что она воспользовалась своей свободой, после долгих мучительных лет, свободой, которая должна была принадлежать только ему! Он как жалкий хозяин, избивающий, ненавидящий всем сердцем свою псину в момент, когда тот вдруг убегает из дома. Он ищет, кличет ее, он вдруг почувствовал, что жить без нее не может, что эта жалкая дрянь – его часть, которую отрывают теперь с болью и кровью. Но уже ничего не вернуть. Связь порвана.

Я обернулся и вновь взглянул на этого мужчину. Он предстал передо мной в ином свете, хоть за пару минут вряд ли бы мог измениться настолько, чтобы стать мне отвратительным. Но он стал таковым. Я даже почувствовал что-то вроде омерзения и злорадства.

– Но, если на то пошло, – продолжал А., – вина его не больше, чем вина его супруги. Она сама, своим поведением дала возможность тирану действовать. Она приемлет это, раз позволяет. Этот дурак просто-напросто перегнул палку, перешел границу, ей поставленной.

Я отхлебнул пиво, тело мое становилось легче, и голова немного захмелела.

– Это я к чему? Каждый ищет смысл в том, что приемлет и понимает своим умом. Только – что это за смысл, если его так легко отнять? Смысл, который не зависит от самого человека, он лишь подчиняется ему. Будь то – фанатик, закладывающий квартиру, азартный игрок, безотчетно влезающий в долги, или вот это чудовище.

Открылась дверь кафе, и из сгустившейся вечерней темноты на всеобщее обозрение выпорхнула парочка. Девушка в свободной руке несла одинокую розу, задушенную упаковочной пленкой. Парень тут же подхватил ее за другую руку, и они медленно, словно любуясь сами собой, проплыли к свободному столику. Девушка было очень красивая, и я с некоторым смущением заметил, что А. провожал ее несколько распушенным взглядом. К ним тут же подскочил официант с мерзкой козлиной бородкой. Парень отмахнулся от него купюрой, сказав, чтобы его обслужили «побыстрее». Официант стрелой полетел убаживать клиента, чуть не столкнувшись с девушкой-официанткой, несущей на подносе хрустальные фужеры.

А. нагнулся ко мне и проговорил:

– Они оба сделали неплохое вложение на будущее, не так ли? – он улыбнулся. – Парень завладел красотой, чтобы поднять свою самооценку, девушка – обеспеченностью, если, конечно, все будет так, как они себе распланировали.

– Не слишком ли скорые выводы? – дружелюбно осек я его.

– Возможно, – согласился А. – Но это все равно.

Официант принес молодым людям два фужера, бутылку в ведре со льдом, и теперь чинно разливал вино. Парень с некоторым омерзением посмотрел на него. Девушка листала меню.

– Что-нибудь еще? – спросил официант.

– Нет, – резко ответил парень, и персонал немедленно удалился.

– Ты все рисуешь в слишком уж пессимистичных тонах, – вымолвил я и почувствовал легкий звон в ушах от алкоголя. – У тебя и чувства, которые, согласишься, вполне могут быть, уже не чувства – а какой-то дикий и бесчеловечный расчет.

А. громко рассмеялся, так, что парочка и остальные посетители кафе удивленно на него посмотрели.

– Как раз наоборот – слишком уж человеческий, – ответил он. – По мне, так эти идеалы, которыми кормят по школам – это они как раз стали бесчеловечными, так как не оправдывают уже саму суть приложения к человеку!

– Какая глупая игра слов! – удивился я, отмахнувшись от него рукой. – Софизм – не более!

– Эх, – А. оскорбился и замолчал, но надолго его не хватило. – Что такое любовь и верность – сейчас, в данный момент!

– Идеалы никуда не делись. Все хорошее остается при нас, и неважно – что выносятся напоказ – сейчас, в данный момент!

– По мне, так глупо делить мир на две части – где хорошо, где плохо. Единственное, что я могу сказать о предмете – он есть. Да и то – с известными оговорками, – заметил он.

Я устал, мне хотелось выйти на воздух, поэтому, вымолвив что-то, я направился к выходу.

– Пойдем на набережную, сейчас там довольно живописно, – сказал А.

Я согласился.

До набережной было рукой подать, и мы, выйдя из заведения, через непродолжительный промежуток времени очутились в этом облюбованном романтическими натурами месте. Мост, прорезавшийся через тьму тонкой линией желтых фонарей, выглядел потрясающе. Удивительно – как ночью преображаются все вещи – днем виден лишь сам предмет, а под покровом темноты – его душа, его сущность. Мост этот не прогнулся под тяжестью свалив-

шегоса на него неба, выдержал, выстоял, совершенно не показывая, с каким трудом ему это удалось.

Сама набережная протянулась на несколько километров. Мы оказались в самом ее начале, и перед нами, как солдаты на параде, выстроились кажущиеся ненастоящими, будто сделанными из пластилина, фонари. Парочки прогуливались вдоль спокойной воды, примеряя на себя различные роли. Время было ближе к полуночи. Я чувствовал легкое головокружение и отвернулся, облокотившись на перила, и смотрел на реку. Ее вода отливала чернотой. Из-за поднимающегося ветра было прохладно.

— Когда я был маленьким, — начал А., — я любил смотреть на воду и представлять, что отправляюсь в далекое путешествие в жаркие страны, или, наоборот, к северному полюсу, — он глубоко вдохнул свежий воздух и на секунду замолчал, задумавшись. — В детстве мы все счастливы, несмотря ни на что, просто так. Даже во времена жутких войн дети играют и радуются жизни. Но потом приходит время, когда нужно прекращать радоваться жизни, взваливать на себя тысячи бесконечных дел. Правда, сейчас ты можешь отправиться куда угодно, но какой в этом толк, если приходится брать с собой еще и эти цепи, дела, мысли. Если можно было бы оставить все хоть на время — этого уже было бы достаточно, чтобы сделаться счастливым.

— А что бы и не сделаться счастливым сейчас? Как дети?

— Разве ты можешь себе это представить? Думается, что опыт обесценивает жизнь — чем больше опыта, тем больше осознание бессмысленности.

— Значит, нужен смысл?

— Где бы его найти? Я не знаю. Можно пользоваться «заменителями смысла» — религией, так называемой любовью, развратом, богатством — но это ведь лишь идола, чертовски глупые и близорукие.

— Так почему ты считаешь, что в этом нет смысла! — вскричал я. — Не есть ли, для некоторого, богатство — смысл, или вера в бога — не может ли она являться смыслом? Почему нужно отрицать эти вещи как не несущие смысл?

— В том то и дело, вещи. А вещи, они вовне. Потеряй эту вещь — разве смысл, черт возьми, перестанет существовать? Разве человек, снимающий крест — обязательно должен убить себя, так как смысл потерян? Отнюдь. Все мы жаждем жить, пусть даже со знанием собственной ущербности. А уж — бороться, бунтовать, или спрятаться под камень — личное дело каждого, — он повернулся ко мне. — Нужно искать все ответы в себе, а не в объятьях шлюхи или выпрашивая покаяние на исповеди! — последние слова он отчеканил с каким-то даже остервенением, повысив голос. — Однажды я смог ухватиться за что-то, но лишнее движение мысли — и все пропало... Я посмотрел на свои руки, повертел их у себя перед глазами. Вдруг я почувствовал, увидел, что эта горстка костей, облепленных мясом и натянутых поверх бледной кожей — не что иное, как кучка ожиданий, горсть надежд — несбывшихся, или ждущих своего часа, чтобы оказаться несбывшимися. Я словно оттолкнулся от своего повседневного бытия, за секунду совершил длительное путешествие — лишь для того, чтобы оказаться на краю пропасти, в которую глядел теперь и осознавал свою ущербность, по сравнению с раскинувшимся передо мной безграничным, пустым пространством. Каждое мгновение преумножало мою ничтожность. Насколько же природа обделила человека, или хуже — она дала ему возможность наблюдать за собственной казнью, позабыв наделить его возможностью что-либо изменить, ограничив его рождением и смертью, умастив его на прокрустово ложе — которое всегда либо велико, либо коротко, — он повернулся ко мне, и я почувствовал, что вся тяжесть опускающейся на нас ночи, которая покоилась до поры на негибавшем мосту, этой непоколебимой бетонной линии желтых огней, вдруг перенеслась на плечи этого человека. В голове моей мелькнула мысль, что, может быть, нет смысла взваливать на себя эту тяжесть, ведь для этого есть вещи — строгие, не прогибаемые.

Некоторое время мы шли в молчании. Ветер поднялся не на шутку, и я слегка поежился – становилось прохладно.

– А если взять чувство – чистое, без привязанности? – начал я. – Которое не зависит от объекта...

– Знаешь, этими своими словами ты повторяешь одного знакомого мне человека. Очень хорошего человека. Но я ему не верю. Не в смысле – что он лжет, да и как тут можно лгать! А в смысле – думаю, он глубоко заблуждается.

– Кто же это? – поинтересовался я.

Он посмотрел на часы:

– Половина одиннадцатого. Хотел я сегодня к ней зайти, но не успел. Заодно и отогреемся. Надеюсь, мы не слишком поздно.

– По-моему, слишком, – запротестовал я. – Так кто же это?

– Моя невеста, – он улыбнулся.

Я задумчиво покосился на него:

– Скорее всего, я буду некстати.

– Не беспокойся, все в порядке.

Глава 2

Мы забрались по лестнице на четвертый этаж старенькой панельной пятиэтажки. А. – быстрыми резкими шагами, перескакивая сразу через несколько ступеней, я – помедленнее, не поспевая за ним, потеряв его из виду, устало поднимая ноги. А. позвонил в дверь, когда я, наконец, поднялся, и через некоторое время она открылась, и перед нами предстала молодая девушка в несколько полинявшей футболке и шортах чуть выше колен. На ногах ее были веселые тапочки, похожие на пушных зверьков. Из-под футболки выбилась тонкая цепочка с небольшим золотым крестиком. Заметив это, девушка тут же с некоторой долей неловкости заправила его внутрь.

– Так и знал, что ты не спишь, – сказал А.

Лишь на мгновение, когда ее взгляд коснулся меня, она, похоже, несколько смутилась. Я уже тоже приготовился смущаться такой несвоевременной поздней встречи, но она тут же ответила нам улыбкой и пригласила войти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.